

Александр Петрушкин

**ЦАРАПИНЫ
НА ПУСТОЙ БОБИНЕ**

ВОСЬМИСТИШЬЯ

Александр Петрушкин

**Царапины на пустой
бобине. Восьмишья**

«Издательские решения»

Петрушкин А.

Царапины на пустой бобине. Восьмистишья / А. Петрушкин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931925-8

Книга восьмистиший поэта Александра Петрушкина продолжает традицию уральских восьмистиший, как отдельного стиля, начатую поэтом Евгением Туренко.

ISBN 978-5-44-931925-8

© Петрушкин А.
© Издательские решения

Содержание

«разговор со снегом и базар за нежность...»	6
Гоголь	7
«ничего не надо больше только мя...»	8
«поздней осенью всегда наступает это да...»	9
«Поперечные наречья...»	10
Расписание	11
Бог	12
«Печален облик из окна...»	13
«топнет свет и нету тела...»	14
«Не влага, а психушка – [что тебе?] ...»	15
«Мост, что висит над водой...»	16
Ловушка	17
Кёнисберг	18
«Прилипла к свету мошкара...»	19
«Надломленный озера лёд...»	20
«Кем вписан мир в зрачок своей же смерти [?]...»	21
«Ангелы – это шары, снеговики...»	22
Татарин пятницы	23
«В повозке воздуха чебак...»	24
«Прямая речь, складная как аршин...»	25
Ящерка	26
«Где нет природы – я на вас...»	27
«Едва ли этот вещный мир – был обращён, как в человека...»	28
«Нет никаких обид – всё сочтено...»	29
«Так вот, пойми, что нас с тобою нет...»	30
Сани	31
«Я пережил здесь смерть...»	32
«Окажется воздух кессонным...»	33
«Осень, состоящая из пауз...»	34
«Дочитать бы драму насекомой...»	35
«А дотянешься до молитвы ...»	36
«Опорожнив пузырь до половины...»	37
«У дома, в который вернутся стрижи...»	38
«он несёт киноплёнку в своём лице...»	39
Кролик	40
«Во мгле межсезонья, как ящерица в валуне...»	41
«Сорока, что трещит внутри веранды...»	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Царапины на пустой бобине Восьмистишья

Александр Петрушкин

© Александр Петрушкин, 2018

ISBN 978-5-4493-1925-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«разговор со снегом и базар за нежность...»

разговор со снегом и базар за нежность
по канве конвой из пернатых тепло-
кровных – центробежность промелькнула пеплом
явную небрежность ты успела первой

надорвать январский как снежок последыш
выдохнуть на память родных междометий
вытащила первой этот свет на тельник
начиналось утро словно понедельник

(2008)

Гоголь

ты помолишь за нас смели в двух жерновах
один похож на небо другой землёй зажат
один горит как кожа из проруби в метель
второе – не второе – а спиртовой наш зверь

ходили с машарыгиным под небеси кыштымской
ходили аки голуби клевали зёрна с рук

и тело не болело а говорило слово
из гроба раздавался неравномерный стук

(2008)

«ничего не надо больше только мя...»

ничего не надо больше только мя
называет тятя пришлое дитя

называет мамой или беленой
ничего не надо данному не мной

но проходит горла тощая болезнь
и молчать не поздно ножевая резь

обучает молча голос отдавать
на столе открыта голая тетрадь

(2008)

«ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ ВСЕГДА НАСТУПАЕТ ЭТО ДА...»

поздней осенью всегда наступает это да
несколько нас ненормальных входят в магазин с утра

ты здесь есть а я напротив мир находит за работой
несколько смешных мужчин

поздней осенью один он стоит с бутылкой пива
ахуительно один

осенью и без бухла ангелы его встреча
юг прекрасен после пива и особенно вчера

(2008)

«Поперечные наречья...»

Поперечные наречья
лезут в город, лезут в рот —

настоящие уродцы —
не найдёшь, а повезёт

из-за каждого пригорка
Тройка – мать твою итить —

речь нечаянно пробьётся,
чтоб меня в себе спасти.

(2008)

Расписание

в далёком ехать ехать в близком
вагоне электрички до ростова
дожать балканскую дожить чужие спички
дожечь уже не видишь не готова

в далёком ехать и скрипеть навывлет
пружинами мужчинами детьми
вагоны переполненные мною
взлетают в небо около семи

(2008)

Бог

Нет ни меня, ни тьмы
и даже света нет —
а только тонкий глаз.
И в щёлочки просвет

Он смотрит на меня,
а я смотрю в Него,
и кроме наших взглядов
здесь нету никого.

(10/09/13)

«Печален облик из окна...»

Печален облик из окна
промокшего – зима ли ждёт,
что выйдем мы из дома на
холодный воздух, обожжет

мою стареющую кожу
зима, в которой Пушкин спит —
печален вид и невозможен —
как ложка длинная лежит.

(10/11/13)

«ТОПНЕТ СВЕТ И НЕТУ ТЕЛА...»

топнет свет и нету тела
на апрель провиснет снег
вот и в бога полетела
как бы нитка через смех

никакого нету плача
смотрит ангел Женя вниз
весь прозрачный и прощает
круг из наших белых лиц

(29/04/14)

«Не влага, а психушка – [что тебе?] ...»

Не влага, а психушка – [что тебе?] —
то кожа панцирна, то заводи пометка
заводит мокрую шарманку в муравье.
В нечёткой ласточки бумаге хлопнет дверка

аукнется, что марля на свету,
ответ, которого не ждали,
не говорили, не молчали и
не умирали.

«Мост, что висит над водой...»

Мост, что висит над водой,
как фрагмент Архилоха,
отцов наших помнит ли стыд,
то где рай зарыт в ворде.

Намедни письмо получил
и теперь ношу в горле,
как ссадину, адрес
в потребном для птиц переводе.

(07/14)

Ловушка

ни гений и злодейство, а ловушка —
сопротивленье голосу молчаньем
где сад своею затенённой тушкой
двоится как и небо с чудесами
где пьяные, как дерево, овидий
в обнимку с гесиодом видят берег
к которому нипочему приплыли
а вопреки и что возможно через

Кёнисберг

Вадиму Месяцу

Не всё изъято, выбрано, забито
кузнечными гвоздями и глазами
слепыми смотрит небо в нас – как взрывы
вдруг щебетать растут над головами.

Нечеловечий голос свой расслышишь,
растянешь «бу», как грозди птиц в портвейне —
и мясо всем стремится где-то выжить,
а слово всё пытается ответить.

(18/08/14)

«Прилипла к свету мошкара...»

Прилипла к свету мошкара,
жара плывет в своём востоке,
перебирает чайхана
базар шофёров невысокий.

И контрабандный этот путь
неправильной – но русской – речи
возможно ангелам вздохнуть
позволит из её увечий.

(31/08/14)

«Надломленный озера лёд...»

Надломленный озера лёд
подержить в такой же руке,

когда она таять начнёт,
чтоб стать теперь дверью в реке...

И чуешь, что нас повезли
в холодных [как ноздри] санях,

чья лошадь, как колокол, спит
в небесных моих ебнях.

(21/09/14)

«Кем вписан мир в зрачок своей же смерти [?]....»

Кем вписан мир в зрачок своей же смерти [?]
и рассечён, как тополя живот,
что в стаде липовом идёт, от края третьим,
на водопой. Из всех своих свобод
он выбрал человека, что за берег
взглянуть поспел и вслед плотве пропал,
и там, внутри себя, он крутит голос —
как ключ к часам, которые сломал.

(26/09/14)

«Ангелы – это шары, снеговики...»

Ангелы – это шары, снеговики,
с кровеносной системой из веток, ветоши, мусорных слов.
Только и слышишь их скрип изнутри: запиши —
дальше – синицы в сосульках (то есть внутри) и – хлоп-хлоп
прямо по темечку или по тени твоей
катятся то костяные, то лепят детей —
и в палиндром разгорается бог вдалеке
и замерзает, как глаз без пейзажа – ничей.

(10/10/14)

Татарин пятницы

Снег ошибается в движенье
и голый в слове, будто мир
в рожденье неприметном, сменит
у мужика спирт на эфир.

И в этот миг противоречья
противоядьё принесёт
татарин – на ордынской речи —
со снегом в паре в пар идёт.

(17/10/14)

«В повозке воздуха чебак...»

В повозке воздуха чебак
своей двойною головой

всё тычется о свет и прах —
своим удилищам другой.

Так входит птаха на чердак,
где человеческим лицом

пугается и ловит страх,
стучащийся за воздух ртом.

(21/10/14)

«Прямая речь, складная как аршин...»

Прямая речь, складная как аршин
и клюквенный ожог на пятом пальце
под видом новых облаков своих лежит,
сплетённая внутри земли, как тяжесть.

Отмоешь голос ледяным дождем,
на хлебных корки две звук разломаешь —
и сумасшедшего в самом себе найдёшь,
где хруст ангины яблока признаешь.

(20/10/14)

Ящерка

Ящерица-дирижабль ползёт на зенит – в зените
дирижирует фотовспышка [покажется, что вы спите —
и сон – будто бы одышка – раздувается в пузыре эмбриона
прочтя полсвета] застывает в жесте стекла,

обращённого в вазу, в пальцы. Ящерка не ожила, но ожидает
Мяса —

в печати, в литографии в архитектуре, в текстуре
музы, которая здесь, над нею, в завалившейся на бок восьмёрке
ящерка разбивается в пятна света – который бурит её или стоп-
кадром скошен.

(28/10/2014)

«Где нет природы – я на вас...»

Где нет природы – я на вас
любуюсь, как живой на мёртвых —
внутри поэзии червей
оставшийся вновь без присмотра.

И если кто-нибудь в сию
минуту с пастухом природы
пытается заговорить – стена меж них [на двух] стоит,
поскольку смерть себя не стоит.

«Едва ли этот вещный мир – был обращён, как в человека...»

Едва ли этот вещный мир – был обращён, как в человека,
в сухую тварь без слова, и моргают птички слайды света...

О, бычья радость изнутри, из ноября строгая лодку
меня везёт, а снег гудит, что телеграф – верно это:

я выхожу в простуды двор и горлом становлюсь бутылки,
в которой тварью зародён, чтоб стало всадников четыре,

и ты моё лицо сотрёшь в своём лице, и жажду выльешь
во флягу снега, что суха, которой выживешь и выйдешь.

(7/11/14)

«Нет никаких обид – всё сочтено...»

Нет никаких обид – всё сочтено
В полете жужелиц холодных и – прекрасно,
Что не спешишь, не говоришь, ино-
Язычно промолчав, что неопасно
Стать ангелом подводным, через свет
В полёт шагнуть и падая к коленям
Твоим присесть, и слышать то,
Как смотрят на тебя её олени.

«Так вот, пойми, что нас с тобою нет...»

Так вот, пойми, что нас с тобою нет,
а свет, который этой амальгамы

минует зеркало и зрение – не свет,
а маятник внутри иглы и ткани.

И мы, взойдя, как птаха из зерна,
лес прошиваем лапой – водянистый,

как трепетная жаба, что жирна
или в язык отмерена сгуститься.

(09/12/14)

Сани

Город предстанет невидимым. День ото дня
не ототрешь, но возможно припомнишь меня:
даже не контуры – шорох травы к сапогам
дымом приклеен, как выдох [к] холодным саням
тем, что пейзажи вокруг режут словно бы хлеб.
нет никого, ничего – кто щебечет в просвет,
в окно человека, когда вокруг падает лев,
сани скрипят и въезжают в натопленный хлеб?

(28/01/2015)

«Я пережил здесь смерть...»

Я пережил здесь смерть
свою, как эта дева,
лежащая в садах,
касающихся чрева
всех насекомых божьих,
живущих у огня...

О, родина, как смерть,
не покидай меня!

(02/2015)

«Окажется воздух кессонным...»

Окажется воздух кессонным,
прошитым, как жабры стрижей,
сшивающих нашу природу
с разрывом, мерцающим в ней.

И, слушая наших качелей иголку,
на входе в золу, надеюсь,
что голос негромкий
свой вынесу, коль не спасу.

(07/02/2015)

«Осень, состоящая из пауз...»

Осень, состоящая из пауз,
множится, как дочери мои,
до сугробов и не задержаться,
ожидая жирной хвойной мглы.

И двоенье осени признавши,
наблюдая то, как снюсь я ей —
вижу время года забирает
пораженье у своих детей.

(02/15)

«Дочитать бы драму насекомой...»

Дочитать бы драму насекомой
этой своры, что – став колесом —
катится под горку от подводы,
как потоп с мертвящим языком.

А посмотришь в дождь – и там увидишь
жесть дождя из вдов моих торчит,
и звенит в нутре своём неровном,
изменяя в пепелище вид.

«А дотянешься до молитвы ...»

А дотянешься до молитвы —
начнёшь учить
этот глас синичий,
которым увечен мир.

Встретится кто, как травма,
увенчанный сам собой —
быть бы плотью тебе —
виноват – другой.

(02/2015)

«Опорожнив пузырь до половины...»

Опорожнив пузырь до половины,
пльвёт у дна прижатый, как свинец
водою к водке, тенью смятый, длинный,
пустой пескарь – похожий на рубец.

Его лицо [лиловое в июле]
дыхание [искусственно моё]
в себя вдохнёт, и с тем меня избудет,
и, словно смерть, со мною отплывёт.

(02/2015)

«У дома, в который вернутся стрижи...»

У дома, в который вернутся стрижи
ожить от любви и до страха,
лежим мы, товарищ – ты видишь? – лежим
как будто в окружности мрака,

что плотно ложится, как снег на живот
сползая на наши колени
растёт то, что позже станет землёй
в которую мы не поверим.

(02/15)

«ОН НЕСЁТ КИНОПЛЁНКУ В СВОЁМ ЛИЦЕ...»

он несёт киноплёнку в своём лице
удлиняется кадр, будто солнцестоянье
удлиняется тень на ещё один день
удивляется мир на одно окликанье

и снимая с меня этот гипсовый миф
он сминает стоп-кадры в густую тележку
и скользит мимо слайд изменяющий шрифт
словно был воскресенье

(30/03/15)

Кролик

Собаки, что след возьмут, войдут в лабиринт,
в который крол своё распускает тело:
после первой на второй волне снежной горит,
но не оставляет гончим своим пепла.

Если его развернуть, то увидишь спазм
выдоха предпоследнего – словно правый
строит он из себя для себя лабиринт
где от охотников с ним остаётся гравий.

«Во мгле межсезонья, как ящерица в валуне...»

Во мгле межсезонья, как ящерица в валуне
переваливается с боку на бок, с Богу во мне
в Бога, в котором природа растёт словно я,
переросло пятницу, как в семенах земля
перерастает свет / стыд больше и уже, чем ночь —
смотрится в щель темнота там, где смертельна точ-
ным словам, или же мы словно циркуль стоим /
над ящерицей валуна / светимся изнутри.

«Сорока, что трещит внутри веранды...»

Сорока, что трещит внутри веранды,
как будто грек попавший из Эллады
в страну семи холмов, её базары
перекричать пытается до Бога,
однажды ты, сорока, жердью станешь —
скорей всего, совсем в иной поджизни —
что ж удержи дыхание в подбрюшье

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.